

Феликс Кохрихт

Свободная зона: мастера и фрайера

Заметки с проекта «Фрайерфест»

На мой взгляд, девиз масштабного проекта, осуществленного в минувшем сентябре сотрудничеством молодых кураторов и Музея современного искусства Одессы, удивительным образом соответствовал и статусу, и имиджу нашего города у моря – во всяком случае, в период с конца XVII века по 1917 год... «Фрайерфест» – термин состоит из двух немецких слов, смыслов: «свободный» и «праздник»

«Праздник свободы». Красиво и пафосно, что противоречит этике и эстетике нынешней креативной молодежи, да и творцов постарше. Но, признаемся, есть в слове «фрайер» и второй, а то и третий смысл, вошед-

ший в обиход довольно давно и понятный коренным одесситам. Если в криминальной среде так называют не связанных с ней (не блатных), то в обыденной жизни так определяют индивидов с, выразимся тактично, облегченными представлениями об общественной морали и устоявшихся нормах... Как правило, эта коннотация не носит категорически уничижительного характера. Примем за основу в наших рассуждениях: фрайер – легкий человек с большей степенью свободы, чем у пишущего и читающих эти строки, и тогда доля лукавства устроителей окажется уместной и остроумной.

Открытие фестиваля в МСИО

Но следует уточнить: решение темы фестиваля, его концепция, масштаб содеянного и увиденного – все это настраивает на серьезный лад.

Порто-франко. Свободная зона – 1

Действительно, Одесса с первых дней своего появления на карте стала олицетворением свободы, разумеется, в рамках, отпущенных верховной властью Российской империи, а степень свободы добывалась просьбами, ходатайствами, а то и лоббированием наших интересов правителями молодого города, и в первую очередь Дюка де Ришелье, юбилей которого мы недавно душевно отпраздновали... В апреле 1817 года (еще одна ближняя круглая знаменательная дата) высочайшим указом Одессе был дан статус порто-франко (свободного порта), а спустя два года он вступил в силу – в 1819-м заработала свободная экономическая зона, принесшая городу процветание и невиданные темпы роста не только в экономике, морской отрасли, финансах, но и в сферах науки, культуры, искусства (музыкального и изобразительного, литературы, архитектуры), плодами которого мы продолжаем пользоваться и сегодня. Порто-франко

На Чайной. В центре – триптих Александра Ройтбурда «Сон в летнюю ночь»

официально просуществовало до конца 50-х годов XIX века, но традиции и навыки остались и развивались у нас до 1917 года. Как писал Салтыков-Щедрин, далее «история прекратила свое течение».

Об этом и многом другом – в книгах Александра Дерибаса, Доротей Атлас, Патриции Херлихе, Александра Третьяка, Олега Губаря, Ростислава Александрова и других, но прежде всего – у Александра Пушкина, в Одесской главе «Евгения Онегина».

Важным обстоятельством, определяющим, по крайней мере для меня, символический и даже сакральный аспект ситуации, есть то, что практически все локации проекта «Фрайерфест» находились в пределах городской территории, входившей в ареал порто-франко. Граница тогда проходила по Старопортофранковской и загибалась в районе Чумки, а далее – по направлению к Ланжерону. Таким образом, основные площадки – Музей современного искусства Одессы (на Белинского, 5) и Чайная фабрика (Карантинная, 21, угол Троицкой) сегодня расположены в приграничье нашей первой свободной зоны, но отнюдь не на ее периферии.

На моей виртуальной карте памяти есть «Свободная зона – 2»

Что делает нашу ситуацию сходной с нынче модными киношными форматами – франшизами или сиквелами, продолжением и развитием полюбившегося сюжета блокбастера (чаще всего – исторического и фэнтези), но с новыми реалиями...

Знаменательно, что этот, один из первых по-настоящему профессиональных одесских проектов в сфере контемпорари арт, состоялся в 1994 году и был посвящен 200-летию города, которое отмечалось широко и собрало у нас представителей разных стран и городов – были они и среди участников выставок, симпозиумов, диспутов, перформансов и хеппингов «Свободной зоны».

Кураторами этого многоплощадочного и многофункционального действия стали молодые наши земляки – искусствовед Михаил Рашковецкий и художник Александр Ройтбурд, создавшие, как и автор этих строк, Ассоциацию «Новое искусство», ставшую базовой структурой проекта.

Разумеется, был опубликован манифест, обозначающий концепцию фестиваля, и назывались некоторые направления, по которым будет развиваться коллизия. Одной из главных ее составляющих стала акция по созданию восьми ступенек Потемкинской лестницы (недостающих до 200) и торжественный перенос их к Художественному музею, что и было нами проделано, как и многое другое, порой возвышенное, порой земное, порой классное, порой наивное...

Тогда, 22 года назад, мы с энтузиазмом ждали возвращения статуса порто-франко порту и другим формациям и территориям

Одессы, но – не сложилось, как, впрочем, не складывается и сегодня...

Среди молодых активных участников проекта были и те, кто нынче приобрел известность, – Александр Ройтбурд, Игорь Гусев, Анатолий Ганькевич, участвующие в «Фрайерфесте»... Но об этом – впереди. Может быть, я кого-то упустил, и заранее прошу прощения.

И тут я вспомнил, что была и «Свободная зона – 2», которая в нашем списке одесских художественных блокбастеров идет под номером 3

Так назывался Международный фестиваль современного искусства, включавший проекты: Александра Ройтбурда «Академия холода» – в Художественном музее, «Валентин Хрущ. Фотографии» – в ЦСИ «Тирс», международный симпозиум «Батискаф-2» в Доме ученых и т. д. Конференция проходила под эгидой нашего ЦСИ «Сорос

В своей работе (в центре) Константин Лизогуб приглашает поразмышлять о запутанности отношений между женским и мужским началами в каждом из нас...

Одесса» и собрала известных художников, кураторов, искусствоведов из многих стран, в том числе и председателя Международного наблюдательного совета ЦСИ Сороса Константина Акиншу.

Тогда и был заложен фундамент заслуженного авторитета Михаила Рашковецкого, недавно реализовавшийся во включении его в состав экспертов, оценивающих экспонаты для павильона Украины на будущем Венецианском биеннале современного искусства.

«Фрайерфест». Свободная зона – 4

Она, как и предыдущая, возникла в канун празднования Дня рождения Одессы – на сей раз ей (нам) в 2016 году исполнилось 222 года.

«Праздник свободы» продлился в Одессе всего неделю, но, поверьте мне, ветерану движения, повидавшему многое и в городе,

и в стране, и в мире классического и нового искусства: количество событий и их качество были достойны и осмысления, и обсуждения, и анализа происходившего, что уже делается искусствоведами, критиками, любителями искусства и, несомненно, будет продолжаться.

У каждого из нас свое видение ситуации, свои приоритеты. Вот почему я, с уважением и интересом относившийся ко всем событиям, происходившим в разных локациях, остановлюсь на двух – МСИО и лофте на Чайной фабрике.

И вот почему: в сопоставлении двух экспозиций, при всех их отличиях (камерная и масштабная, ретроспективная и злободневная), авторы работ и кураторы (рискну их условно обозначить как «мастера» с Белинского и «фрайера» с Карантинной) явили важную и радостную для меня реальность. В нашем городе не только не прерывается, но и развивается традиция уникальной Одесской школы.

Понимая и субъективность своих суждений и, чего греха таить, возросшие с возрастом сентиментальность и неуместный оптимизм, все же поделюсь ими с читателями.

Ученики Теофила

«В Одессе нужно жить долго, и тогда ты...» Такова расхожая, банальная, но, в общем-то, проверенная жизнью сентенция, имеющая разные формы реализации не слова, а пространственно-временного состояния: «тогда». Не стану их перечислять: к примеру, доживешь до того времени, когда вернутся скумбрия и (или) белоснежные лайнеры с портом приписки Одесса...

Но вот наш вариант. Жить долго и ты (Евгений Голубовский, я и еще несколько коллег) успеешь: в юности быть удостоенным знакомства с одесскими парижанами – Амшеем Нюрнбергом и Теофилом Фраерманом, в молодые и зрелые годы – писать о них, о выставках Дины Фруминой, Николая Шелюто, дружить с Олегом Соколовым и Юрием Егоровым, пить с ними вино, получать в дар их картины и рисунки...

Разумеется, мы и раньше видели работы участников экспозиции в МСИО под девизом «Фраерман и его ученики». В их мастерских, в частных коллекциях в музеях, на выставках, у себя дома. Но я, признаюсь, никогда не задумывался о том, что они – питомцы одного замечательного педагога и художника, Теофила Фраермана, настолько они разные во многом. Разнятся и излюбленные темы – сюжеты и масштабы работ, и техника, и жанры, и степень успеха, и достаток, и круг почитателей...

Роднит главное: мастерство, преданность искусству, верность базовым основам Одесской художественной школы (Костанди – Фраермана). Каждый из нас выделит свои ее признаки, я же рискну назвать особое ощущение цвета, света и звучания голоса окружающей нас природы – между Морем и Степью, то, что Пушкин гениально определил одной фразой: «Здесь долго ясны небеса...».

Теофил Фраерман (в центре), его соратники и ученики

Ощущение гармонии эклектичной архитектуры города и классического наследия, обретенного и в античные, и в новые времена: артефакты эллинских городов и – Эйзенштейн – Довженко – Кандинский – Бабель – Рихтер...

Все это роднит наш город с уникальными местами на планете, над которыми парит Гений места. Он кружил и над молодой Одессой, и над Парижем, где молодой Фраерман соседствовал и в общежитии на Монмартре, и на вернисажах в Салоне с Дега, Роденом, Матиссом. Он кружил и над той Одессой, в которую Фраерман вернулся в 1917 году и набрал своих первых учеников...

Имя Теофил в переводе с латыни означает «любимый Богом», но любимцем богов Теофила Борисовича не назовешь: его судьба не очень-то отличалась от общей, постигшей творческую нашу интеллигенцию в революционные, военные и последующие годы. Удивительным образом сочетается это имя с фамилией, обозначающей на немецком языке «свободный человек». Свободный человек, любимый Богом. Сейчас уже не узнаешь, о чем думали, на что уповали родители, давая сыну такое имя к такой фамилии...

Вряд ли студенты, а затем и молодые одесские художники задумывались о сакральном смысле имени и фамилии своего учителя. Но я решился именно так назвать этот раздел своих заметок: «Ученики Теофила», что стилистически относит нас и к средневековым рукописям, и к романам Умберто Эко...

О художниках, представленных в МСИО, написаны монографии, им посвящены альбомы и диссертации. Не стану рассказывать об их работах, полученных для экспозиции от одесских музеев и коллекционеров, – это уже сделано в заметках и статьях моих коллег. Следует особо подчеркнуть, что эти картины, рисунки, наброски, этюды никогда ранее не встречались друг с другом, и это придает выставке особый настрой, за что особый респект директору МСИО Семену Кантору. Все работы достойны внимания, но именно в эти дни мы получили возможность побывать в классе Фраермана, где десятилетиями ученики сменяли друг друга. Мы увидели четырех, пожалуй, лучших – на мой вкус.

Крайне важным стало то, что торжественное и официальное открытие «Фрайерфеста» как масштабного проекта, разместившего экспонаты по всему городу, состоялось именно в старинном одесском особняке на Белинского. Среди участников выставок были и приехавшие из других городов Украины и разных стран. Да и среди нашей молодежи были те, которые впервые услышали о Теофиле и его учениках и увидели их работы.

Возвращение Данте

На следующий день мы отправились на бывшую Чайную фабрику – она всего в нескольких кварталах от МСИО, но это уже другая Одесса, другой мир, хотя и находящийся в границах не только исторического порто-франко, но и моего представления о традиции и поиске, о мастерах и фрайерах. В конце концов, Рома Громов и Дима Эрлих, кураторы проекта, придумавшие и осилившие «Фрайерфест», сами дали себе это определение.

Как вы лодку назовете, так она и поплывет...

В последние годы это фабричное здание – типичный пример советского промышленного дизайна и архитектуры – стало ареалом одесского некоммерческого нового искусства. В нем, в частности, разместился «Театр на Чайной», на мой взгляд – самый интересный и перспективный из всех нынешних студий, хотя уже не клуб, а театр. Знаменательно, что, подымаясь по лестнице, ведущей к экспозиции «Фрайерфеста», мы первым встретили его создателя – режиссера Александра Онищенко, причем в рабочей спецовке и с «болгаркой» в руках. И это был не сценический костюм, не вхождение в образ очередного персонажа, а реальный процесс: готовится к приему зрителей новый, более вместительный и функциональный зал.

Вверх по лестнице, ведущей к крыше многоэтажного фабричного здания, зияющего проемами бывших цеховых дверей...

Вообще-то, мы с трудом отыскивали вход, ведущий на выставку с Троицкой. Как объяснил Рома Громов, указатели каждый день срывают неизвестные участники некоего хулиганского

перформанса, судя по всему, фрайера – в одном из низких вариантов этого определения.

Но вот мы и в огромном помещении – на чердаке фабрики, где разместилась экспозиция. Отсюда выход к крыше, на которой сотни петушков деловито клюют зерно, спорят с соседями, а некоторые глядят вниз – рассматривают одесские соборы и дома. Мы следуем их примеру и узнаем знакомые церкви и жилые здания – панорама настраивает на ностальгию и любопытство.

Петушки – киевляне, керамические фигурки, родившиеся в голове и под руками демиурга этого птичьего мирка, которого именуют Костя Півниктайм, что на украино-английском означает «Час петушков». Ну не Петухов же, в самом деле!

Но на этом пастораль и идиллия заканчиваются: основная экспозиция интересна совсем иными сюжетами. Преобладают артефакты, наполненные драматизмом, отсылающие нас к вечным сюжетам мировой классики.

Можно было бы подробно объяснять, почему эти работы вызвали у меня именно такие аллюзии и ассоциации. Но, повторю в который раз: эти заметки не претендуют на статус искусствоведческого анализа, но, надеюсь, и не поток сознания. Скажу лишь важное и главное. Дело в том, что за довольно-таки долгий период я почти разочаровался в том, что и как производят на свет одесские и не только молодые представители изобразительного искусства.

Почти пожалел о том, что стоял у истоков создания структур, помогающих неофитам создавать и показывать свои произведения. Я видел немало выставок на наших площадках, где демонстрировались работы, сделанные наспех, небрежно (это касается и концепции, и технологии, и манеры подачи). Преобладали наивные инсталляции, время от времени производились шумные перформансы и хеппенинги...

Разумеется, в Одессе есть мастера, художники, входящие в элиту современного отечественного и европейского искусства, но, как правило, они в большинстве местных групповых проектов и даже биеннале не участвовали, что создавало обедненную картину ситуации в новом искусстве Одессы. Заслуга Громова и Эрлиха состоит в том, что они сумели включить в состав

участников проекта и зрелых мастеров, и молодых художников, ищущих себя в жизни и искусстве. При этом большинство работ, разумеется, у мастеров, но и у молодых авторов выполнены профессионально, с добротным качеством – и концептуальным, и технологическим, что вовсе не означает примата мастеровитости над одаренностью, а наоборот – синергия этих качеств ведет к настоящему успеху.

Этот раздел моих заметок озаглавлен «Возвращение Данте» – так называется работа киевлянина Константина Павлишина, соратника Арсена Савадова. Почему она стала для меня как бы символом, выражением выявленной тенденции, к которой, как я понимаю, вовсе не стремились кураторы проекта? А именно, во-первых, преобладание в экспозиции не работ вообще, а именно картин – основного и фундаментального жанра изобразительного искусства. Картинчиками были Рафаэль, Караваджо, Дюрер, Сезанн, Репин, Кандинский... Во-вторых (повторюсь), – наиболее интересными мне представились работы, так или иначе выражающие преемственность по отношению к великому наследию классики в искусстве и литературе.

Одним из ярких проявлений подобных устремлений я полагаю картину К. Павлишина. Многофигурная сложная композиция создана и для созерцания, и для размышления. Можно долго искать среди персонажей самого Данте и так его и не найти. А есть ли он на этом полотне – поэт, побывавший в Аду и Чистилище, среди крепких мужчин – моряков, рыбаков, бойцов скота: судя по всему, бык обречен на то, чтобы стать жертвоприношением или ужином экипажа лодки, отчалившего от берегов подземного Стикса и вернувшегося со своим гениальным пассажиром на теплую и благоухающую итальянскую землю...

Даже если мы так и не найдем на этой картине фигуру Данте, то не станем сомневаться: поэт вернулся, и познакомиться с ним можно в библиотеке. Возьмите том с «Божественной комедией», если повезет – с иллюстрациями великого Гюстава Доре. Чтение занимательное и поучительное, и если вы доберетесь до песни семнадцатой, то узнаете, что в круге седьмом Ада обречены на вечную муку насильники над естеством и искусством...

Поблизости от Данте – композиция Константина Лизогуба, круги с вписанными кистями – пальцами рук, как настаивает автор, – мужскими и женскими. Они то ли запутывают, то ли распутывают (второе – предпочтительнее) нити и узлы отношений между Инь и Ян, между нами и нами... Почему-то я вспомнил гениальный фрагмент Сикстинской капеллы с сюжетом Микеланджело: рука Бога тянется к руке человека... Понимаю, такая ассоциация может возникнуть лишь у меня, но возникла же!

Наши известные мастера, участвовавшие в давнишних проектах «Свободная зона», к моему удовольствию, тоже вдохновились сюжетами великих и культовых произведений.

Александр Ройтбурд представил триптих-парафраз к гениальной работе Босха «Сад земных наслаждений», которую мне повезло видеть, как говорится, в натуре, что относится и к флорентийскому дому Данте, и к Сикстинской капелле, что дает мне если не право, то возможность задаваться (возраст) и сравнивать (много на себя беру).

Свое представление о «Сне в летнюю ночь», не совсем совпадающее с тем, что владело Шекспиром во время написания этой комедии, у Стаса Жалобнюка, не разделяющего оптимизма великого драматурга. И пьесу эту я тоже видел в берлинском театре...

Вадим Бондеро представил работы, навеянные культовыми кинолентами – о Супермене и Звездных войнах. Их герои (суперлюди и обыкновенные роботы) естественно и непринужденно соседствуют и уживаются с нами... Смотрел в кино, но в этом я не оригинален.

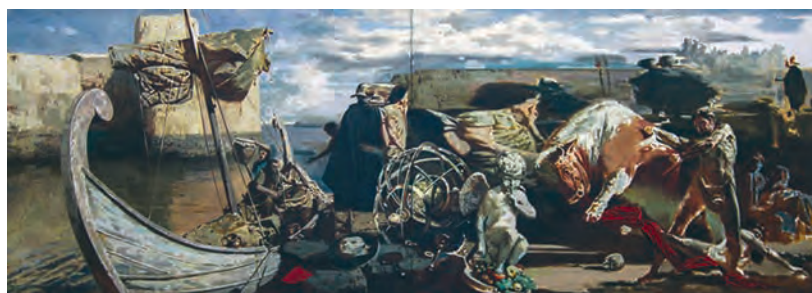
И, наконец, Лаоокон, воссозданный Анатолием Ганькевичем, единственный мифический и исторический персонаж из упомянутых выше, которого можно лицезреть в Одессе в начале Приморского бульвара у здания Археологического музея. Наш художник запечатлел его опутанным клубком зловещих гадюк, сделал это убедительно и лаконично – даже легкая ирония здесь неуместна. Добавлю лишь, что видел я (как Пушкин – царей) трех Лаокоонов: в Ватикане, во флорентийской галерее Уффици и нашего. Наш если не крепче, то интеллигентнее всех...

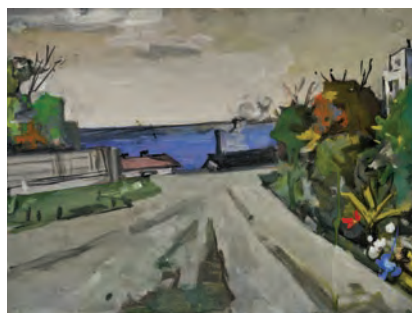
Олег Соколов. Демократический принцип. 1975

Киевские півники и их создатель Костя на одесской крыше

Константин Павлишин. Возвращение Данте

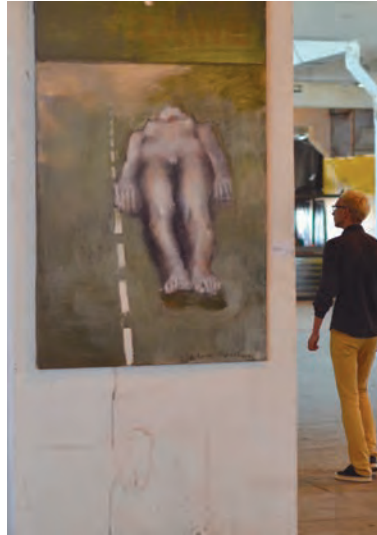
Теофил Фраерман. Без названия

Николай Шелото. Уголок в парке. 1941

Анатолий Данькевич. Лаокоон

Стас Жалобнюк. Сон в летнюю ночь

Дина Фрумина. Боль. 1938

Юрий Егоров. Скоро отправляемся. 2006

Формируя цветную вкладку, посвященную участникам проекта «Свободная зона», мы решили не распределять репродукции работ их участников по эпохам и месту экспозиции. Такое соседство, на наш взгляд, свидетельствует о непрерывности и динамизме художественной жизни Одессы.

Разумеется, в экспозиции на Чайной были интересные работы, не связанные с классическими сюжетами и их интерпретацией. Современное изобразительное искусство, в особенности то, которое принято называть поисковым, экспериментальным, может и вовсе не базироваться на сюжете и являть собой вовсе и не картину, а объект, который и описать трудно. Были и такие – и тоже интересные.

И о них уже написаны и пишутся статьи, и я их с интересом читаю. Благодаря публикации Маши Гудымы вспомнил, что пространство чердака на Чайной безостановочно оглашал голос попугая (как и киевские цыплята, настоящего), сидевшего в клетке и вопрошавшего нас: «Почему меня взяли на эту выставку?». Конечно, механическая птичка – не Гамлет, и проблема эта («Быть или не быть?») волнует скорее ее создателя – одесского фрайера Никиту, но все же как-то вписывается в мое восприятие экспозиции как аллюзии вечной классики.

Ответ, на мой взгляд, должен быть лаконичен, мотивирован и иметь два варианта. Серьезный: «Потому». Шутливый: «По качану».

Проект «Фрайерфест» оправдал статус международного: на Чайной, в Музее современного искусства Одессы, в других музеях, галереях показали свои работы не только наши земляки, но и художники из Роттердама, Кракова, Берлина, Киева, Москвы.

Все ли они знают все тонкости полифункционального слова «фрайер», неизвестно. Но это и неважно, ибо вторую составляющую девиза проекта – «фест», праздник – знают все.

Вадим Бондеро познакомил
работающую крестьянку XIX века с роботом
из «Звездных войн»

Коменданты одесской креативной «Свободной зоны» Михаил Рашковецкий и Рома Громов

P. S. В Одессе так нужно жить долго... Вспомнил, как в 60-е годы минувшего века в этом городе снимали фильм из итальянской жизни «Роман и Франческа», и перед оперным театром декораторы поставили картонную статую поэта Данте с лаконичной табличкой – «Dantes», на что некоторые прохожие реагировали бурно: негодовали по поводу того, что в центре власти поставили памятник убийце нашего Пушкина.

Фото Льва Райзмана и Евгения Хлебникова

